

СРАВНИТЕЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ ПРЕДПОСЫЛОЧНОГО ЗНАНИЯ И ПРЕДРАССУДКА

Предметом рассмотрения статьи является понятие предпосылочного знания с точки зрения определенных современных эпистемологических концепций. Предпринимается попытка интерпретировать феномен предрассудка как одну из форм предпосылочного знания и отнесение предрассудка к одной из разновидностей доконцептуальных познавательных предпосылок Намечены некоторые пути развития исследований в данном направлении.

Ключевые слова: предпосылочное знание, предрассудок, доконцептуальные предпосылки.

Понятие предпосылочного знания, являясь в современных эпистемологических исследованиях достаточно востребованным, но все же, на наш взгляд, требует концептуального дополнения и развития. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день нет специально разработанной целостной теории предпосылочного знания, хотя существующие теоретико-методологические трактовки в рамках более специализированных концептуальных схем отличаются достаточным разнообразием и различиями. Исследователями называются такие смыслообразующие концепты как понимание предпосылочного знания в форме «непроблематичного» знания; конкурирующей теории; проявления личностного (неявного) знания; дополнительной скрытой информации и др.

Отчасти такая ситуация, в свою очередь, объясняется объективно сложившимися в более широком контексте теоретико-методологическими попытками критического преодоления определенного идеала научного знания, связанного с утверждением гносеологического редукционизма, приводившего к сведению теоретического знания к эмпирическому. По мнению Л.А. Микешиной, это стимулировало «интерес к основаниям и предпосылкам научного знания, привело к выделению и исследованию их в качестве самостоятельного компонента в общей структуре науки. По сути, заново введено и сегодня все шире употребляется понятие «предпосылочное знание» [4, с. 175]. При этом отмечается, что «содержание и структура самого предпосылочного знания либо четко не дифференцируются... либо сводятся к содержанию и структуре специального знания» [4, с. 175].

В Предисловии своего основного труда «Личностное знание» М. Полани провозглашает свое знаменитое утверждение программного характе-

ра, связанное с отказом от «идеала научной беспристрастности» [5, с. 18]. Конечно, такое заявление не делает его автора адептом противоположного идеала, то есть так называемой «пристрастности» в суждениях. Как нам представляется, речь идет о предостережении против абсолютизации некоего позитивного идеала, что само по себе не ведет к абсолютизации его противоположности. Как поясняет сам автор, им руководит осмысленное желание «предложить иной идеал знания» [5, с. 18], что вовсе не делает автора серьезного научного труда чуждым следованию объективности и беспристрастности как универсальному нормативному принципу научной этики, которому любой ученый на сознательно-рефлексивном уровне придерживается.

В то же время, осознавая это или нет, М. Полани отчасти легитимизирует в научном познании (и тем более в человеческом познании вообще) элементы небеспристрастного отношения человека к предмету познания. Если анализировать понятие собственно «пристрастности», то оно семантически связано с такими понятиями как «пристрастные суждения», «ценностное суждение» и, наконец, «предубеждение». Последнее же, как известно, часто используется как синоним предрассудка.

Рассматривая общий принцип, объясняющий, по мнению М. Полани, укоренение в сознании познающего субъекта убеждений, этот принцип уподобляется некой структурной схеме, по которой проверяется эффективность инструмента, например зонда, при помощи которого обнаруживаются скрытые неровности какой-то полости, но инструмент как таковой никогда не принадлежит объекту оперирования; он всегда остается «по ту сторону», выступает как часть нас самих, часть оперирующей лич-

ности» [5, с. 94]. При помощи такого инструмента происходит включение его в сферу человеческого бытия, служа его продолжением, в результате чего личность сливается с «инструментом экзистенциально, существует в нем» [5, с. 94]. Называя этот принцип *самоотдачей*, проводится параллель с уже «интеллектуальными инструментами», в качестве которых, например, берутся любые системы понятий, включая формальные построения точных наук. Сравнивая те утверждения (знания), «которыми наполнены учебники», с теми из них, которые составляют основу метода, позволяющего прийти к этим утверждениям «предпосылками», М. Полани фактически дает характеристику предпосылочного знания: это те предпосылки, при помощи которых «мы усваиваем, когда учимся говорить на определенном языке, содержащем названия разного рода объектов, которые позволяют классифицировать эти объекты, а также различать прошлое и будущее, мертвое и живое, здоровое и больное и тысячи других вещей [5, с. 95]. Отвлекаясь от чрезмерной категоричности выдвинутых в этой связи некоторых тезисов, касающихся тщетности попыток зафиксировать предпосылки науки и невозможности вообще выявления реальных оснований научных убеждений, все же с другими утверждениями по поводу реального «механизма ассимиляции научных понятий» можно согласиться. Так, принимая определенный набор предпосылочных знаний и используя их как «интерпретативную систему, мы как бы начинаем жить в этих предпосылках, подобно тому, как живем в собственном теле». Вышеназванный «механизм ассимиляции» проявляется в некритическом усвоении предпосылок, в результате которого познающие субъекты «отождествляют себя с ними». Действительно, в момент непосредственного действия предпосылок, они «не провозглашаются и не могут быть провозглашены, поскольку это возможно лишь в рамках той системы, с которой мы отождествили себя в данный момент. А так как сами эти предпосылки и образуют эту систему, они в принципе не могут быть сформулированы» [5, с. 95]. Но в то же время это не исключает того, что эти же предпосылки могут быть сформулированы (и, как правило, так это происходит), когда они попадают в поле действия историка и методолога науки, который как бы наблюдает их со стороны, то есть, нахо-

дится вне рамок конкретной системы, конкретного «определенного набора предпосылок». Ведь сам Полани говорит о конкретных системах предпосылок, определенных наборах этих предпосылок, анализирует их, делает предметом сознательной рефлексии. Другими словами, утверждение о том, что эти предпосылки «в принципе не могут быть сформулированы» справедливо лишь в определенных границах действия этого принципа и имеют онтологически определенную временную размерность.

Таким образом, сама концепция личностного знания неразрывно связана с понятием предпосылочного знания, фактически представляющего его ядро. Хотя само это словосочетание («предпосылочное знание») непосредственно М. Полани не используется, но для целей нашего исследования чрезвычайно важно то, что момент предпосылочности здесь достаточно хорошо обоснован, проявлен и включен в качестве одного из сущностных, необходимых моментов. Это значит, на наш взгляд, что и все важнейшие результаты развертывания концепции личностного знания, достигнутые и признанные в качестве позитивного вклада развитие теории познания, также значимы и для прояснения природы предпосылочного знания, поскольку это как раз тот случай, когда система «работает» на свою часть, являясь ее системно-методологическим аргументом обоснования.

Одним из таких «системных» аргументов является то, что одним из наиболее важных существенных признаков личностного знания, определяющих его природу, явилась его принципиально бессознательная форма проявления. Этот тезис нами принимается с учетом вышеуказанной временной размерности, предполагающей конкретно-историческую определенность. Мыслительная активность сознания как интерпретация чувственных реакций, ставших источником информации о предметах производится бессознательно – «осваиваем ли мы молоток, теннисную ракетку или автомашину, действия, с помощью которых мы управляемся с ними, в результате оказываются бессознательными. Этот переход в бессознательное сопровождается появлением в сознании нового умения, новой способности в операциональном плане» [5, с. 98].

Анализируя исследования в самом широком проблемном поле современной эпистемологии, можно принять в качестве очевидного итога те-

зис о невозможности для истинного теоретического знания быть «нейтрально» объективным и сегодня «уже не вызывает сомнений, что в любом знании через индивидуально-ценностные отношения субъекта опосредуются социокультурные исторические отношения, и внутринаучные логико-методологические ценности в конечном счете всегда детерминированы социальными потребностями и отражают культурно-исторические условия эпохи» [4, с. 172]. Все это актуализировало вопрос о движущих силах и соответственно о предпосылках, регулятивах познавательной деятельности, понимаемых в первую очередь как ценностно-нормативных предпосылок. Причем, на наш взгляд, этот процесс затрагивает не только научную познавательную деятельность. Следует также констатировать, что даже в исследованиях, исследующих специальные методы философского критико-рефлексивного анализа этих предпосылок. Само понятие «предпосылочное знание» используется преимущественно как интуитивно ясное [4, с. 174].

Не смотря на то, что уже у Канта можно встретить понятие (хотя и не термин), близкое к современному пониманию предпосылочного знания, но все же и в последующем историческом теоретическом развитии не была решена задача логико-методологического и гносеологического исследования природы, статуса, функций, видов предпосылочного знания, понимаемого в узком смысле. В концептуальной разработке предпосылочного знания Л.А. Микешиной выявленная познавательная неопределенность в значительной степени уменьшена. В частности, акцентированы наиболее общие характеристики предпосылочного знания в широком смысле, то есть понимаемого как любое предшествующее, начальное знание: предпосланность и непроблематичность в конкретном познавательном контексте.

Согласно типологии, предложенной Микешиной Л.А. [4, с. 178], с которой мы в целом согласны, предпосылки в самом общем виде разделяются на понимаемые в широком и узком смысле. Первый, который, по нашему представлению, может быть назван онтологическим, включает в себя все факторы, необходимые для развития и функционирования познавательной деятельности, которые получают фактический статус предпосылок-условий, лишь в конечном счете, влияющих на развитие знания (теории) [4, с. 178].

Соответственно, в узком смысле предпосылки знания – это те, что существуют в сфере сознания и непосредственно влияющие на создание теоретических (идеальных) конструкций. Наибольший интерес вызывает дальнейшее деление уже в рамках предпосылок второго рода, то есть функционирующих непосредственно в сфере сознания и поэтому могут быть названы собственно предпосылочным знанием. Представляется целесообразным, поскольку это вписывается и в нашу концептуальную исследовательскую схему, принять разделение предпосылочного знания на концептуальные и доконцептуальные (перцептуальные, по терминологии М. Л. А.) уровни его существования. В соответствии с такой классификацией в качестве логико-содержательного ее наполнения могут быть выделены и специфические формы их существования как выражение указанных структурных уровней.

Основным критерием концептуальных форм предпосылочного знания можно признать дискурсивность и соотношенность по степени рациональности. Этому критерию, например, отвечают некоторые исторически и социокультурно оправданные и осознанно (или неосознанно) принятые нормы и эталоны, усвоение которых носит системный характер, то есть принимаются и усваиваются вместе со всей системой знания, представляющей достаточно обоснованной на рефлексивно-рациональном уровне. Поэтому даже если такие конкретные предпосылки принимаются неосознанно, то будучи неразрывной частью, сознательно принятой системы, эти предпосылки все же, в конечном счете, не утрачивают по сути статуса дискурсивности и рациональной соотношенности.

Если же теперь обратиться к доконцептуальным формам предпосылочного знания, то уже по определению они носят предшествующий характер и могут выступать как «глубинные неэксплицированные основания тех предпосылок, которые функционируют на концептуальном уровне в виде принципов и регулятивов познавательного выбора, предпочтения и оценок» [4, с. 181]. Поэтому наиболее типичной формой проявления таких предпосылок выступает недискурсивность и интуитивно-эмоциональная обусловленность.

Одной из конкретных форм проявления таких свойств, на наш взгляд, может выступать такой феномен сознания, который часто назы-

вается предрассудком и по своим определенным характеристикам может быть отнесен к доконцептуальным предпосылкам. В этой связи есть все основания определять предрассудок в таком контексте как специфическая форма предпосылочного знания доконцептуального уровня.

Учитывая вышерассмотренную отнесенность предпосылочного знания к основным характеристикам личностного (неявного) знания, может быть также обозначен один из путей генезиса феномена предрассудка. На наш взгляд, таким путем является *диалектика явного и неявного как взаимодействие рефлексивного (осознанного) и нереплексивного (неосознанного)*, выражающую «непосредственную отнесенность субъекта к знанию, способы вхождения субъективного, в частности ценностного, в содержание и структуру знания, проявить механизмы интерпретативной и рефлексивно-обосновывающей деятельности субъекта в познании» [4, с. 238]. Причем этот механизм позволяет выявить не только социокультурную обусловленность предпосылочного знания, но и, более широко, представить весь этот процесс как результат действия более абстрактных, метафизических оснований [см.: 1].

Предрассудок выступает как «проводник» этих обусловленностей в тот момент, когда осознанная рациональная познавательная деятельность находится на самой ранней стадии по отношению к конкретному предмету исследования и поэтому не все имплицитные предпосылки учтены в силу их неотрефлексированности, что представляется вполне естественным. Таким образом, предпосылочное знание становится предрассудком тогда, когда существующая рефлексия не позволяет прояснить ценностную составляющую, так как остается за полем, границей рефлексивной деятельности субъекта.

Понятие предпосылочного знания в познавательном процессе, взятое в самом широком смысле, то есть учитывающее его метафизическую (еще более точно – онтологическую) соотнесенность, должно быть рассмотрено с позиций перехода между состояниями знания и незнания. При этом состояние незнания, онтологически предшествующее собственно знанию и являясь просто «пустой» формой не может перейти в последнее, если не будет помещено в некий общий познавательный контекст уже имеющегося знания, выступающем как источник возможного содержания пустующей фор-

мы (не-знания). Тогда становится возможным сама постановка вопроса: «Если мы не знаем чего-либо, то, что именно мы не знаем?». В структурном отношении между знанием и незнанием выделяется некое состояние *пред– и прото–* знания, называемого *ведением*. Это первоначальное ведение представляет собой «незаполненную (например, географическую) «карту», которая делает возможным последующую деятельность по выявлению и исследованию «белых» пятен *не-знания*» [2, с. 67].

По нашему мнению, результат рассмотренного когнитивного состояния, названный *ведением* (пред– и прото– знание), вполне обосновано может быть названо предпосылочным знанием, выступающем в роли медиатора между состояниями не-знания и знания. В этой связи, процесс становления природы предпосылочного знания может быть представлен в динамическом аспекте, основным содержанием которого является стихийно-схватывающая экспликация того, что получается в результате стремления субъекта познания наполнить содержанием спонтанно возникающие идеи. Здесь находит свое выражение отмеченная еще Кантом спонтанная способность творческого воображения, способность фантазирования. В результате происходит так называемая вспышка «познательного усилия», в результате которой формируется некий остаток произошедшего акта понимания – предпосылочное знание. По мнению С.Л. Катречко, «для каждого индивида этот «остаток» предстает как некоторый уже имеющийся в социокультурном пространстве *предрассудок, общее мнение*, что облегчает культурную жизнедеятельность индивида, в частности его понимание имеющегося знания. Именно этот «остаток» и фиксируется объективистскими концепциями в качестве знания» [2, с. 68]. Таким образом, на основе общего предпосылочного познавательного контекста вырастают «культурные машины», сформированные ранее и уже неосознаваемые индивидуумом «сцепления сознания» [2, с. 69]. Как видно при такой интерпретации предпосылочного знания предрассудок фактически превращается в его особую устойчивую форму, но при этом уже не может быть отнесен к явлению случайному, а выражает определенный, закономерный этап, необходимый момент в эволюции и функционировании сознания.

Применение эволюционного подхода к объяснению предпосылочного контекста сознания в еще большей мере связывает предпосылочное знание и предрассудок. Если сравнительно недавно (вторая половина XX в.) само понятие предрассудка в основном связывалось с психологическими исследованиями, то на сегодняшний день сфера распространения научного интереса заметно расширилась. Учитывая то обстоятельство, что для эпистемологии конца XX в. «все большее значение стали приобретать достижения эволюционной биологии, генетики человека и когнитивной науки, получившие широкое применение в информационных и биотехнологиях» [3, с. 6], изучение феноменов до определенной поры связывавшихся с решением чисто гносеологических проблем, стало приобретать более широкий спектр объяснения. Так, по мнению канадских биологов К. Эббота и Т. Шеррата предрассудки – следствия наличия у людей и животных адаптивного механизма обучения, который помогает избежать двух видов ошибок: отказа от эксплуатации существующей причинно-следственной связи и попытки эксплуатации несуществующей причинно-следственной связи. В этой связи было проведено исследование механизмов возникновения, сохранения и исчезновения предрассудков у животных и людей. Субъект распределяет свои усилия между эксплуатацией «проверенных схем» и исследованием новых. Желание избежать двух ошибок одновременно неизбежно склоняет индивидуальную стратегию в сторону эксплуатации привычного в ущерб исследованию. Предрассудки держатся тем дольше, чем они менее затратны и чем переход к эксплуатации новой связи затратнее [6]. В рамках эволюционно-информационной эпистемологии эти факты могут быть объяснены как результат

продолжения естественного отбора, который «оказывается направленным на формирование и эволюционное развитие у организмов все более высокоорганизованных когнитивных систем, способных информационно контролировать окружающую среду и их собственные когнитивные состояния (самовосприятие) с помощью создаваемой этими системами когнитивной информации. Благодаря эволюции когнитивных систем у организмов появляется возможность изменить свое поведение, сделать его более адаптированным» [3, с. 22].

Таким образом, с точки зрения предложенной интерпретации конкретных форм проявления предпосылочного знания, достаточно перспективным направлением в дальнейшем исследовании выбранного предмета представляется более тесная интеграция эпистемологии с когнитивными науками, в частности когнитивной психологией. В данной статье предложен лишь один из возможных вариантов такой интеграции через интерпретацию понятие предрассудка как одну из форм предпосылочного знания, особенно учитывая очевидную его ценностную «нагруженность», которая в предрассудке приобретает радикализированную, а зачастую и гипертрофированную форму. В этой связи, если в природе предпосылочного знания, как и знания вообще, одним из природообразующих факторов является когнитивный процесс категоризации, то предрассудке этой процесс можно назвать сверхкатегоризацией, обусловленный большим влиянием (по сравнению с другими когнитивными структурами) психологических структур сознания, таких, например, как хорошо исследованные психологами феномены установки, стереотипа и др. Предрассудок в этом случае можно назвать сверхкатегоризированной неосознаваемой установкой.

10.01.2013

Список литературы:

1. Габдуллин, И. Р. Метафизические основания в понимании предрассудка как формы когнитивно-ценностного взаимодействия в структуре сознания / И. Р. Габдуллин // Вестник ОГУ. – 2011. – № 7 (126). – С. 167–174.
2. Катречко, С. Л. Знание как сознательный феномен / С. Л. Катречко // Что значит знать?: сб. ст. – Москва: «Центр гуманитарных исследований», Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. – С. 61–102.
3. Меркулов, И. П. Когнитивные способности / И. П. Меркулов. – Москва, 2005. – 182 с.
4. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 440 с.
5. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва: «Прогресс», 1985. – 344 с.
6. Kevin R. Abbott, Thomas N. Sherratt. The evolution of superstition through optimal use of incomplete information // *Animal Behavior*. – Volume 82, Issue 1, July 2011. – P. 85–92

Сведения об авторе:

Габдуллин Ильдар Рустамович, доцент кафедры философской антропологии
Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. 8 (3532) 372586, e-mail: i.gabd@yandex.ru

UDC 165.1

Gabdullin I.R.

Orenburg state university, e-mail: i.gabd@yandex.ru

PREMISED KNOWLEDGE AND PREJUDICE AS A MATTER OF COMPARATIVE EPISTEMOLOGICAL ANALYSES

The subject of the article is the notion premised knowledge in terms of certain modern epistemological concepts. An attempt to interpret the phenomenon of prejudice as a form of knowledge premised and as a preconceptual background. Outlined some ways to the development of research in this area.

Key words: premised knowledge, prejudice, preconceptual background.

Bibliography:

1. Gabdullin, I. R. Metaphysical foundations in understanding the prejudice as form of cognitive-value of interaction in the structure of consciousness / I. R. Gabdullin // Vestnik OSU. – 2011. – №7 (126). – P. 167–174.
2. Katrechko, S. L. Knowledge as a conscious phenomenon / S. L. Katrechko // What does it mean to know?: sat. articles. – Moscow: «Humanities Research Center», St. Petersburg: University Books, 1999. – P. 61–102.
3. Merkulov, I. P. Cognitive abilities / I. P. Merkulov. – Moscow, 2005. – 182 p.
4. Mikeshina, L. A. Epistemology of values / L. A. Mikeshina. – Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2007. – 440 p.
5. Polanyi, M. Personal knowledge. Towards postcritical philosophy / M. Polanyi. – Moscow: «Progress», 1985. – 344 p.
6. Kevin R. Abbott, Thomas N. Sherratt. The evolution of superstition through optimal use of incomplete information // Animal Behavior. – Volume 82, Issue 1, July 2011. – P. 85–92